

Псевдоэнергосервис в квазирыночной экономике

Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности» предусматривает новую для России форму бизнеса – энергосервисный договор, исполнителем которого является энергосервисная компания – ЭСКО. В развитых странах ЭСКО являются основным инструментом выявления и монетизации экономии на основе внедрения новых технологий, оборудования и инновационных решений. О том, какие проблемы имеются в развитии ЭСКО в России, рассказывает президент Ассоциации энергосервисных компаний и производителей приборов учета «Новое измерение» Портянкин Борис Адамович.

Прошло уже достаточно времени после принятия закона об энергосбережении, чтобы можно было с уверенностью сказать, что содержащаяся в нем конструкция энергосервисной деятельности практически неприменима к реалиям российской экономики, и вряд ли будет применима к ним в обозримом будущем. Особенно там, где она сейчас очень востребована – в ЖКХ. Заимствованная из законодательства западных стран в очень упрощенной и усеченной форме «перфоманс-контрактинг», она формулируется как императив: **затраты на энергосервисный контракт не могут превышать размер (процент) экономии, полученной в результате его реализации.** Столь узкое понимание энергетического сервиса сужает сферу его применения в России, делает его слишком сложным с точки зрения учета и фиксации полученных результатов, а с точки зрения экономики всего процесса – невозможной.

Речь идет о так называемой модели ESPC (Energy Savings Performance Contracting), появившейся на западе в середине 80-х годов и завоевавшей сердца всех государственных и общественных деятелей, что неудивительно. Заложённая в ESPC теоретическая возможность, не выделяя денег из бюджета, финансировать работы по энергосбережению оказалась востребованной везде в мире, особенно в условиях кризиса. Именно эту модель пытается перенять российское законодательство и внедрить в российских условиях едва ли не в качестве единственно возможной модели для ЭСКО, делая ЭСКО и ESPC, по сути, синонимами.

Последствия такого подхода могут быть самыми печальными, т.к. при нем не учитываются, ни исторические, ни технологические, ни географические факторы, которые делают применение такого рода энергосервисного договора невозможным. Более того, такой законодательный максимализм способен в корне убить все те ростки собственной культуры энергосбережения, которые стали развиваться в России, до принятия закона об энергосбережении. Стремление законодателя исходить не из потребностей собственного развития, а из банального подражания любой ценой «западу», может иметь роковые последствия для всего процесса энергосбережения и повышения энергоэффективности. Ведь перенимать передовой зарубежный опыт нужно осторожно, с учетом наличия условий, обеспечивающих его применение.

Указанный выше императив уже сейчас практически остановил выделение денег собственниками объектов на создание базовых условий для всякого энергосбережения – учета и контроля расхода энергоресурсов. На западе отпуск коммунальных ресурсов потребителю немислим без точного измерения того, что потребили, когда потребили, и какого качества был потребленный ресурс. Это основа товарного производства и основа договорных рыночных

отношений в коммунальной сфере. Прибор учета там – неотъемлемая часть поставки энергоресурсов, при измерении параметров которых эти ресурсы собственно и становятся товарами в момент их потребления, т.к. только при их измерении возможно определить и потребительскую стоимость, и стоимость самого товара. Такова его экономическая природа.

В России рыночных отношений при поставке коммунальных ресурсов пока не существует, т.к. нет системы учета, и потребитель до сих пор платит практически за доступ к ресурсу, а не за товар. Само понятие «товар» в сфере электро-, водо-, тепло-, газоснабжения многоквартирных домов, в которых находится преобладающая доля российских потребителей, не определено, поскольку не определены параметры этого товара, условия отпуска единицы товара, на который государство до сих пор административно устанавливает тариф. Только организация учета способна сделать из этих «ресурсов» собственно «товар» в экономическом смысле этого понятия. До тех пор, пока расчет платы производится не по приборам учета, а по административным установкам - нормативам, предельным индексам, «расчетным методам», которые есть не что иное, как рудименты и атавизмы советской эпохи, рыночных отношений в ЖКХ нет, и не будет.

Казалось бы, необходимо, прежде всего, создать эту систему учета, которая послужит основой расчетов за потребленные энергоресурсы, и была бы способна заложить основы рыночных отношений в коммунальной сфере. Но закон об энергосбережении внес полную путаницу в этот вопрос, приравняв энергосервисный договор к ESPC: теперь никто вообще не желает тратиться не только на энергосбережение, но и на создание учета. Все ожидают, что затраты на приборы учета возьмет на себя ЭСКО, которая за свой счет, на свой страх и риск сотворит маленькое экономическое чудо, так что и сами приборы окупятся, и все затраты ЭСКО отобьются, и управляющие компании получают прибыль, и местные администрации обиженными не останутся, и жители многоквартирных домов меньше платить станут.

То, что окупаемость этих работ может не наступить и через 30 лет, нашего законодателя совершенно не волнует - это проблемы ЭСКО, «на западе» же как-то же получается! Беда лишь в том, что таких ЭСКО не существует ни в России, ни за рубежом, и в принципе существовать не может. Прежде всего, потому, что задачи ЭСКО состоят совершенно не в том, чтобы закрывать бюджетные дыры и решать проблемы чиновников и собственников, не желающих тратиться на энергосбережение. Задача ЭСКО в том, чтобы выявлять и пускать в оборот полученную на объекте заказчика экономию теми способами, которые допустимы в конкретных экономических условиях, и которые при этом позволяют ЭСКО существовать и получать прибыль, как и всякой коммерческой организации, а не быть неким чудом заморским.

ESPC нигде в мире не является единственной моделью для ЭСКО. Это только малая часть от всего того многообразия договорных и хозяйственных форм энергосервисных услуг, которые предлагаются ЭСКО повсюду на локальных рынках. В портфеле заказов этих ЭСКО могут быть, а могут и не быть ESPC. ЭСКО может работать как на государственных, так и на частных объектах. И это не мешает им называться ЭСКО, и заключать энергосервисные договоры, выполняя самые разные работы: от энергетического обследования и составления проекта энергосберегающих мероприятий, до замены или модернизации оборудования инженерных систем, настройки

режимов работы бытовых приборов, оптимизации потребления энергии, вообще, всего того, что востребовано на рынке, за что заказчик готов платить деньги.

Что касается ЭСКО, применяющих исключительно ESPC, то это не массовое явление, даже за рубежом, а довольно редкие примеры. Такие ЭСКО буквально выращиваются в рекламных целях крупными корпорациями под прозрачными куполами различных «инновационных центров», научных заведений, технополисов, куда так часто возят на экскурсии делегации из развивающихся стран. Опыт их любопытен, но не актуален для российских условий. Условий, при которых не налажен элементарный учет и контроль потребления энергоресурсов, имеются специфические, можно сказать уникальные условия теплоснабжения с ветхими сетями, изношенными генерациями, монополизацией экономики, и множеством других проблем, решение которых имеет более важное значение, чем возведение в абсолют рекламных трюков крупных корпораций.

Еще одной «национальной особенностью» ЭСКО в России является то, что российские ЭСКО лишены главной функции всякой энергосервисной деятельности – проведения энергетического обследования. Только после проведения собственного обследования ЭСКО может взять на себя обязательства и риски получения доли той экономии, которую она может предоставить заказчику в течение определенного срока. Организационное единство этапа постановки целей – обследования – и последующих этапов их достижения, которое обеспечивается ЭСКО в рамках энергосервисного договора – это, вообще, то, что отличает ЭСКО от обычного подрядчика, выполняющего работы, при которых достигается, и используется выявленная экономия.

В России закон об энергосбережении первым делом отрубил исходный для всякого ЭСКО этап – проведение энергетического обследования объекта и создал многочисленные компании, объединенные в иерархию обязательных СРО, единственным продуктом работы которых является составление энергетического паспорта и сдача его в министерство энергетики. Таким образом, постановка задач для ЭСКО и их исполнение оказались оторванными друг от друга на долгие годы, если не навсегда, введенной законом бюрократической процедурой.

Хотя гарантом достоверности энергопаспорта является едва ли не сам министр энергетики, вряд ли какая-либо ЭСКО будет строить на нем свои расчеты, брать на себя договорные обязательства, нести по ним коммерческие риски. ЭСКО, так или иначе, в любом случае, придется проводить собственное энергетическое обследование, документировать его результаты. К чему тогда было создавать всю эту чудовищную бюрократическую систему СРО с сотнями организаций, сидящих без работы, т.к. любой серьезный собственник понимает, что получение энергопаспорта и энергосбережение – разные вещи, и платить дважды он не будет.

При этом, сами ЭСКО, организации, непосредственно добивающиеся результата энергосбережения, несущие риски и ответственность, оказались совершенно вне сферы регулирования и контроля. Очевидно, что тот, кто замыслил все эти обязательные СРО «компаний-энергоаудиторов» совершенно не думал о конечном результате. В итоге, все это древо «энергоаудиторских СРО» существует только ради себя самого и воспринимать его можно только как недоразумение, либо как сознательный уход от решения задач энергосбережения в России. Это типичный законодательный барьер для деятельности ЭСКО.

Что касается развития энергосервисной деятельности в многоквартирных домах, то закон об энергосбережении и здесь не оставил никаких шансов для ЭСКО. Дело в том, что прописанный в жилищном законодательстве порядок принятия решений, когда по любому поводу в отношении общего имущества дома постоянно требуется проведение общего собрания, стал препятствием не только для всей реформы ЖКХ, но и для процессов энергосбережения. По смыслу жилищного законодательства даже чтобы забить снаружи гвоздь в стену надо собрать голоса собственников квартир, обладающих более чем 50 % площадей квартир. Чтобы реконструировать многоквартирный дом (в том числе с его расширением или надстройкой), жилищное законодательство требует собрать голоса с 75 % площадей квартир. А вот чтобы ЭСКО смогло провести то или иное энергосберегающее мероприятие, закон об энергосбережении требует не 98, даже не 99, а все 100 % голосов!

Для этого в законе имеется трудная для понимания, из-за витиеватости своего изложения, но достаточно конкретная часть 4 статьи 19, вводящая такой порядок для ЭСКО, который фактически ставит крест на всякой энергосервисной деятельности в многоквартирных домах. Это такой законодательный барьер, преодолеть который ЭСКО уж точно никогда не сможет.

Рассмотрим его. Частью 4 статьи 19 закона об энергосбережении устанавливаются условия заключения энергосервисного договора ЭСКО с «лицом, ответственным за содержание многоквартирного дома», т.е. с управляющей организацией, ТСЖ, ЖСК. Чтобы такое заключение договора было возможным, эта управляющая организация, ТСЖ и ЖСК должна сначала получить полномочия на заключение такого договора путем проведения общего собрания жителей, голосования и сбора по меньшей мере 50 % голосов.

Но это еще не все. Получив полномочия на заключение определенного договора с ЭСКО, управляющая организация, ТСЖ, ЖСК должны будут собрать с каждого собственника квартиры письменные согласия на любое их действие, прописанное в уже одобренном общим собранием энергосервисном договоре, и, если хотя бы один собственник квартиры не дал его, то закон об энергосбережении объявляет такое положение энергосервисного договора ничтожным. Например, если собственник какой-либо квартиры вообще живет в другом городе или другой стране, то прокуратура или суд могут признать любое условие заключенного ЭСКО энергосервисного договора ничтожным.

Разумеется, ни одна добросовестная ЭСКО при таких рисках близко не подойдет к многоквартирным домам. Тем более не станет привлекать финансовые средства или рисковать своим имуществом, чтобы добиваться экономии для жителей, из которой они с ней потом и будут рассчитывать 30 лет. Откуда взялся этот анахронизм эпохи коллективизма? Изначально в проекте закона об энергосбережении такого не было. Но его авторы как будто испугались в последний момент, что в многоквартирных домах кто-нибудь когда-нибудь все-таки проведет энергосервисные мероприятия, получив одобрение 50 % голосов – наш народ ведь способен преодолевать любые трудности - и приведенным положением наглухо закрыли эту возможность для ЭСКО.

Получается, что, с одной стороны, закон призывает к энергосбережению и повышению энергоэффективности в многоквартирных домах, а с другой стороны, ликвидирует всякую

возможность использования энергосервисного договора. Если жилищное законодательство требует от всех жителей страны коллективизма на 50 %, то закон об энергосбережении требует 100 %-го коллективизма, подтвержденного письменно! Вообще, возможно ли такое единодушие в либеральной стране, с преобладающим городским населением, где уже прочно укоренились нонконформизм и ценности индивидуальной свободы? Высокая степень коллективизма в принятии решений о том, как жить сообща присуща первобытно-общинному строю с его родами и племенами, феодализму с его дружинами и сельскими общинами, социализму с его постоянными комсомольскими, партийными собраниями и единогласными решениями, но никак не демократической «капстране», которой собирается стать Россия.

На «западе» также не наблюдается такого коллективизма в принятии решений. В существующие там кондоминиумы частные собственники объединяются только в случае, если в их доме имеется небольшое количество квартир, как правило, не более четырех. Провести общее собрание при этом не составляет больших хлопот - в какой-либо одной из этих квартир, или в соседнем кафе на углу, за чашкой чая. Что касается многоквартирных домов, то большинство из них принадлежат либо частному собственнику, либо муниципалитету, которые единолично принимают все решения, в том числе об энергосбережении, не бегая по квартирам с листовками, протоколами и бюллетенями. И прокуратура города Парижа, города Берлина, города Нью-Йорка занимается своими прямыми обязанностями, а не проверками нарушения «законности» по поводу заключения договоров управления или энергосервисных контактов, проверяя расписки и исследуя в них подписи.

Учитывая крайнюю степень приверженности российского жилищного законодательства в отстаивании коллективистских методов принятия решений собственниками помещений многоквартирных домов, якобы для защиты их индивидуальных прав, нельзя надеяться, что когда-либо этот порядок изменится, но хотелось бы верить, что из закона об энергосбережении будут устранены очевидные нелепости и барьеры. Особенно в отношении такой новой и перспективной формы бизнеса как ЭСКО. Невозможность ЭСКО работать в рамках закона неизбежно приведет к многочисленным злоупотреблениям. Уже сейчас в ряде регионов под флагом развития энергосервисной деятельности созревают схемы массового обмана населения, и, если не пресечь этот процесс в корне, не изменить законодательство, последствия для развития процесса энергосбережения и повышения энергоэффективности будут самые негативные.

Портянкин Б.А.

Президент Ассоциации энергосервисных компаний и производителей приборов учета «Новое измерение»